

Хроника заката эпохи от известного писателя и журналиста

Россия 2000-х: борьба, надежды и разочарования

Песни Свободы

Сборник рассказов

12+

АЛЕКСЕИ СУХОВЕРХОВ

Алексей Борисович Суховерхов

Песни Свободы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63865706

SelfPub; 2021

Аннотация

Алексей Суховерхов – писатель и журналист, участник литературного объединения Магистраль Григория Левина и выпускник журфака МГУ. Сегодня Алексей Суховерхов – живет и путешествует на яхте. Этот сборник рассказов был начат примерно в 2010 году в Москве и закончен в 2019 году уже в эмиграции. Перед глазами автора прошла целая эпоха. От надежды начала 2010-х до полной безнадежности последних лет. Что есть, то есть: писатель – это только зеркало своего времени. Никакой выдумки, жизнь героев – такая, как она есть. Вы не обязаны покупать эту книгу. Однако будет справедливо, если всякий труд будет оплачен. Если вы с этим не согласны, вы можете прочитать все, что есть в этом сборнике, найдя рассказы по отдельности. Они почти все публиковались. А еще автор предлагает контракт: после первых двадцати проданных книг с рассказами он обещаю сесть за компьютер и написать нечто совсем новое: сборник морских историй! Алексей Суховерхов – живет в эмиграции и вечном путешествии. Ему есть, что рассказать.

Алексей Суховерхов

Песни Свободы

Давайте знакомиться. Я Алексей Суховерхов, писатель и журналист. А теперь еще и шкипер яхты Liberty Tours, моего дома под Британским флагом.

Я родился в Москве. Был участником литературного объединения «Магистраль» Григория Львовича Левина. Именно его я считаю своим первым и настоящим учителем литературы. Кто не знает, кто это, поищите в Гугле, что такое знаменитая «Магистраль».

Но я сделал большую ошибку в своей жизни. Не пошел учиться в Литературный институт. Как и многим, мне захотелось иметь кусок хлеба на столе. И я окончил факультет журналистики МГУ. А потом на хлеб понадобилось масло и колбаса. После журфака я сделал еще и карьеру в банковской сфере.

Но судьбу не обманешь, хотя и потеряешь время. К сожалению, свою первую книгу в итоге я написал только в тридцать лет. Да и то она была о деловой психологии. А сегодня – перед вами мой первый сборник именно художественных произведений, рассказов.

Этот сборник был начат в России, примерно в 2010 году. А последний рассказ писался уже в эмиграции. Хотел написать о своем времени, о том, что вокруг. Но получилось как-то само собой, что в книге отразилась целая эпоха. От надежд того времени, носителями которых стал средний класс, до полной безнадежности конца две тысячи десятых... Эволюция и крах сопротивления, внутреннего мира и целого сообщества – наиболее образованных и состоявшихся людей.

Наш класс вымирал, и мы менялись. Кто-то продался властям и пошел на службу режиму. Кто-то, как я, сохранил верность своим убеждениям. Хотя и они, это видно из произведений, менялись во времени. Пусть будет все, как есть – я не вносил в них коррективы перед выпуском. Думаю, что главное осталось неизменным: принципы гуманизма и либерализма.

У меня нет шансов напечатать эти рассказы при действующем в России режиме. Поэтому делаю из него электронную книгу. Надеюсь, она Вам понравится, и мы продолжим наше общение. Если этот опыт удался, то ждите от меня... морские истории!

Благодарности

Пользуюсь случаем выразить благодарность единственному человеку на этой земле, который поддерживал и поддерживает меня во всех моих начинаниях – моей маме Лидии Суховерховой.

Памяти Татьяны Дорогиной (Орловой)

Продавец музыки

Может быть, это мечта любого мужчины. Наверное, каждый представитель «сильного пола» хотел бы почувствовать себя настоящим испанским мачо. Есть ли на свете такая работа, когда приходишь утром – и тебя встречает сотня самых прекрасных на свете женщин – со всего света. И каждую можно разместить у себя на коленях, обнять и прижать к груди. Они такие разные. И все, как одна, готова открыть тебе душу. Откликнуться на нежные и, в то же время, решительные прикосновения твоих пальцев. Конечно, каждой из них нужен определенный настрой. Ты создаешь его опытными руками – в считанные минуты. Ты можешь любить каждую из них – весь рабочий день. И наслаждаться каждой из них, сливаться с ней в едином порыве бешеной страсти или спокойной неги. Такая работа есть.

Максим спустился в полуподвальное помещение музыкального магазина. Его взору предстали стены, увешанные гитарами. Шести- и семиструнные. Большие и поменьше.

Классические с нейлоновыми и акустические со стальными струнами. Электро. Испанки, немки, китайки. Из Чехии, из России. Отовсюду, где делают, или делают вид, что делают гитары.

Максим хорошо знал эту шутку одного своего знакомого гитариста. Да, его любимый инструмент деревянный. Но душа – живая. А сколько людей вокруг, которые живые, настоящие. Но души у них – деревянные.

Справа, у стойки с компьютером, совмещенного с кассой, его встретил коллега по работе Андрей. Который лучше «играет» на клавиатуре счетоводов и бухгалтеров, чем на струнах или клавишах.

– Привет, продавец музыки! Ну, что, пора?

– Да, я уже снял табличку «Закррито» с входной двери.

День начался. Максим прошел в торговый зал и взял один из инструментов – желтую Кремону. Он не снял инструмент со стенда, он поднял гитару так, как только может поднять свою партнершу танцор на международном конкурсе: нежно, аккуратно и, в то же время решительно и уверенно. Максим опустился на стул. Разместил прищепку гитарного тюнера на грифе и выверенными движениями подстроил ее. Максим заиграл. Умелые и твердые пальцы левой руки легко и быстро перелетали со струны на струну, с лада на лад. В то время как правая кисть, казалось, парила над розеткой, так быстро, что не было видно, в какое мгновение извлекались звуки. И по залу потекла музыка – неповторимый ритм испанского

танца. Инструмент запел в его руках, выпустил из себя порыв безграничной страсти. А другие инструменты на стене, казалось, откликнулись едва заметной вибрацией открытых струн.

Его импровизированную утреннюю репетицию прервал первый посетитель. Это был мужчина средних лет. В хорошо отглаженной одежде. В белой рубашке. С сумкой для ноутбука на плече и мобильным телефоном на поясе. На пальце правой руки побрякивал брелок с ключом от машины. Деловито и даже решительно посетитель прошел в зал с развешенными инструментами. И стал разглядывать их.

Максим не торопился прийти к нему на помощь. Он знал, что человеку надо прежде всего дать осмотреться. Интересно, кто на этот раз перед ним? И зачем ему гитара? Ведь кажется, в жизни у него и так все есть.

Пожалуй, сразу и не определишь, кто он. Может быть, обычный «офисный планктон» или «хомячок». А может быть, бизнесмен средней руки? Максим никогда не понимал таких вещей. Зачем тратить целую зарплату на мобильный телефон последней модели, если потом все равно приходится использовать всего две функции: ответить на звонок или послать вызов. Для чего нужно носить с собой сумку для ноутбука – с какими-то бумагами, но без самого ноутбука. Может быть, провести его сразу в отдел, где продаются гитарные футляры?

– Что посоветуете? Мне нужно вот что. Я хочу себе купить

гитару. Мы в молодости играли с друзьями, даже группа у нас была. Но это, конечно, в прошлом.

Максим поднялся навстречу клиенту. Несмотря на то, что покупатель был на голову ниже Максима, даже снизу вверх его взгляд говорил о том, что жизнь удалась.

– Понимаю...

– Но все-таки хочется иногда вспомнить прошлое. Правда, раньше такого выбора не было. Были Кремоны в лучшем случае, были наши дрова. Электруха – вообще из области фантастики...

– Так что бы Вы хотели сейчас? Электро? Акустику?

Клиент задумался. Максим стоял и ждал. Просто ждал, как учили его на ускоренных курсах продавцов – что называется, на рабочем месте. И в этот момент он тоже задумался о своем. О том, как всю свою жизнь учился играть. Как в шесть лет мама отвела его в музыкальную школу. Как он постигал азы. Как учил, порой со слезами на глазах, сольфеджио – целых семь лет. Как взял гитару вторым инструментом после фортепиано – а потом она стала делом всей его жизни. Как болели пальцы в первые месяцы игры. И не только тогда. А еще когда после школы он решил поступать в музыкальное училище. Обычно он играл по два часа в день. Без выходных. Без праздников. Но когда надо было готовиться ко вступительным экзаменам, кажется, время остановилось. Он жил со

своим инструментом. До кровавых мозолей на пальцах левой руки.

Сколько лет он учился? Семь в музыкалке. Пять лет в училище. Итого двенадцать лет. И что в результате? Сегодня водитель получает вдвое больше него. А для того, чтобы стать водителем, достаточно трехмесячных курсов! И это при том, что он продавец в музыкальном магазине. А если бы пошел преподавать в музыкальную школу? Один его однокурсник так и сделал – он преподает игру на гитаре. И что? Сегодня родители отлично умеют считать – за своих детей. В музыкальных школах – недобор, музыка – невыгодное дело. Впрочем, его однокурсник честно предупреждает родителей: пусть для вашего ребенка это будет только хобби. Да, об этом вынужден говорить преподаватель!

А если приходится перебивался от концерта к концерту? Хорошо устраиваются единицы. И как? Только в одном случае: если играют на пьяных корпоративах. Но разве это призвание музыканта – веселить зажавшуюся публику, нефтяников, банкиров, чиновников? Выслушивать эти унижения. Понимать, что они на самом деле никто, жулье и вруны, которые грабят свой народ, а потом транжирят украденное...

Почему этот мир так несправедлив? Почему воздается не по труду и способностям, а по везению и наглости – отобрать у ближнего, рассчитать свой барыш, прихватить что-то у окружающих?

Клиент выбрал. Он прервал размышления Максима.

– Хочу попробовать... – он назвал марку электрогитары. Типа Fender Stratocaster – с чистым и ярким звуком.

«Что-то все-таки понимает», – подумал Максим и протянул инструмент, подсоединил его к гитарному комбику-усилителю. Клиент преобразился и изменился до неузнаваемости, как только инструмент оказался у него в руках. Казалось, он почувствовал себя рок-звездой.

Чувствовалось, что когда-то учился, но вывел он кусочек из старой-старой рок композиции крайне неумело. В его позе, выражении лица, в нем не было в этот момент этого наносного, того самого стремления к видимой успешности, которая отталкивала Максима в самом начале. Все-таки он свой – играет хуже него, но свой. Из мира музыки...

– Вы учились когда-то? – спросил Максим.

– Да, несколько лет в музыкальной школе. Потом мы с друзьями хотели создать свою группу. Но потом мои родители убедили меня, что сначала надо овладеть какой-то профессией. Я поступил в институт. Ну и музыка осталась где-то в прошлом... Я не играл уже более десяти лет...

Максим знал этот тип покупателей. Пожалуй, это его лучшие клиенты. Все понятно. Ради денег человек выбрал себе профессию. Ради хорошей жизни он занялся не своим делом. И вот у него все есть. Но осталось то, что называется ностальгией. По молодости. По свободе. По чему-то далекому и... настоящему.

– Вы неплохо играете, с учетом того, сколько времени вы не брали инструмент в руки...

– Да, работа, семья.

Вот именно так все и происходит, подумал Максим. Человек получает дар от природы. Но потом разменивает его на что-то. Откладывает лучшее на завтра. Мы не знаем, есть ли на свете бог, но сатана есть точно. Сначала он предлагает сделать совсем маленькую уступку. Маленький шагок в сторону – от себя самого. Потом второй. И вот душа человека, все его лучшие способности и проявления оказываются где-то в далеком прошлом. Он продан за звонкую монету, за шуршание денег, которое слышится при выдаче денег из недр банкомата...

Клиент продолжал что-то наигрывать перед Максимом. Что-то – из прошлого. Но это была уже не музыка, по большому счету. Он больше не музыкант.

И даже здесь, всего через несколько минут, трезвый разум и расчетливость вернулись к клиенту. Он не купил электрогитару, для подключения которой требуется масса дополнительного оборудования. Его выбор через какое-то время проб и ошибок пал на акустическую, с металлическими струнами. Звонкую, достаточно дорогую – и в то же время, опять не на ту, на которой, может быть, он хотел играть всю жизнь. Потому что разум его с тех пор, когда он был начинающим музыкантом, изменен. На всю жизнь.

Удивительно, что вообще этот человек пришел в магазин музыкальных инструментов. Другие на его месте – даже и не думают взять гитару в руки. А просто идут туда, где продается музыкальная аппаратура – Hi-Fi и High-End. И становятся на всю оставшуюся жизнь – слушателями. Меломанами. Но никак не исполнителями – даже для себя. Вот она – несостоявшаяся жизнь: до конца своих дней крутить чужие пластинки.

Максим проводил его к кассе. Помог оформить покупку и упаковать инструмент. Подобрал новые струны, ведь изначально при изготовлении традиционно ставятся не лучшие и не самые подходящие. Демо, так, чтобы только можно было попробовать и оценить звучание – в общих чертах. И вот он вновь остался один – наедине со своими любимыми гитарами (а напарник его не в счет, его инструмент – касса).

Окинув взглядом зал, Максим выбрал ту, которую хотелось взять в руки на этот раз. Ему вдруг стало по-настоящему грустно. И может быть, даже в какой-то мере жалко себя. Он не только один в этом зале. Максим одинок – во всей жизни.

А ведь еще совсем недавно, каких-то полтора года назад все было совсем по-другому. У него была любимая девушка – его Анна, любимая Аня с которой он дружил со школьной скамьи. Как-то незаметно эти отношения переросли в нечто большее. Еще бы – она не чаяла в нем души. В любой компании – его песни, его музыка. Максим был самым популярным парнем в классе, да и во всем их районе. Многие сходи-

ли по нему с ума в школе. Но он выбрал из всех – именно ее.

Он и сейчас помнит ее русые волосы ниже плеч. Голубые глаза – без дна, в которых отражалась любовь и страсть. Ее талию. Ее стройные ноги. Тонкие пальчики ее рук.

Все кончилось – совершенно для него неожиданно. Аня позвонила ему однажды и сказала, что им нужно срочно поговорить. Договорились встретиться у памятника Сатаны. Да-да, есть в Москве такой памятник в Москве, на станции метро Новокузнецкая. Максим не помнил автора этого шедевра, но выглядит скульптурная композиция с фонтаном так. Колонны по периметру сквера. А в центре – квадратный постамент с водой и две фигуры под деревом – Адама и Евы. Бронзовые статуи, худые и покрытые патиной. Срамные места прикрыты фиговыми листьями из того же материала. В общем, памятник новой эпохи – как водится, дорогой и бестолковый. Максим даже не успел заметить, есть ли там искуситель-змей, потому что Аня пришла быстро. В отличие от обычного, не опоздала ни на минуту. Но она была другая. Совершенно не такая, как всегда.

Максим хотел, как всегда, обнять и поцеловать ее, но она отстранила его каким-то неловким движением.

– Нам надо серьезно поговорить. Пошли выпьем кофе.

И они зашли в близлежащую кофейню. Сели и заказали два капучино. Тогда Максим еще не работал в магазине музыкальных инструментов. Перебивался случайными заработками – от концерта к концерту. И может быть, именно

поэтому его мысли были заняты другим – хватит ли ему денег еще на кофе, если они закажут что-то еще. В общем, он даже не заметил, что что-то изменилось. Не мог подумать о том, насколько это серьезно.

– Аня, что с тобой случилось?

– Максим, между нами все кончено. Мы не можем больше встречаться. Я люблю другого мужчину.

Эти слова прозвучали, как удар. Как раскат грома зимой. Как внезапно вырубившееся электричество во всем доме. Мир погас. А сердце его нещадно забилося в поисках выхода – из груди.

– Но почему?

– Так не может больше продолжаться. Я женщина, и я хочу быть счастливой. Между нами ничего не может быть серьезного. Ты такой человек – ты сходишь с ума по своей музыке. Она не дает тебе абсолютно ничего. А я хочу жить нормально, рожать детей, ездить за границу, купаться в море, в выходные поехать куда-нибудь на своей машине. Я не могу так больше жить. Я не хочу. Я встретила другого человека.

Аня оправдывалась. И, жалея себя, выставляла виноватым его. По своему, она была права. Она нормальный человек. Даже очень хороший. Это мир стал плохим. А в общем, он всегда был плохим. Алчным и жестоким.

Максим понимал свою Анну. Этот путь проходят многие женщины. Когда-то в молодости, как пламя походного костра в лесу под гитару, разгорается настоящая первая любовь.

И избранник – самый лучший, самый настоящий мужчина на свете, сильный, смелый, талантливый. А потом этот огонь заливают холодным дождем жизни. И приходит другой мужчина – более правильный. Более надежный. Но уже никогда – такой же любимый.

Действительно, кому нужна его музыка? Сегодня для того, чтобы считаться великим музыкантом, достаточно выучить несколько аккордов и вложить деньги в раскрутку. Найти спонсора. Продать себя и свое имя. Чтобы выйти на большую эстраду, не нужно, чтобы сатана дышал в затылок, нужно, чтобы он тебя проглотил!..

Она честно делила с ним все несколько лет. Взлеты и падения. А ведь лучшие времена были. Чего стоил тот самый протестный митинг-концерт, в котором он играл со своими друзьями. Пусть не лучшее с точки зрения музыки – но это наша современность, наш мир:

*Достаточно свобод от власти ждали мы,
И от нее терпели гнет, репрессии, разбой.
Под черным знаменем мы сбросим бремя тьмы.
Теперь мы сами все возьмем. На баррикады, в бой!
Пусть власть трясется, революция грядет,
Вставай страна, восстань, народ, оружие готовь!
И мы увидим, когда солнце вновь взойдет:
Открытый мир. Свободный труд. Всеобщую любовь!*

Тысячи людей вокруг – рукоплескали им и скандировали.

И она была рядом. А после – кого-то из музыкантов упрекнули в экстремизме и затаскали правоохранные органы. Но это была слава.

И вот сейчас у его Анны – терпение лопнуло. Она не хотела так жить дальше.

Они так и не расстались там, в кафе. Они ушли вместе. И провели еще одну, эту последнюю ночь вдвоем. Анна все еще любила его. Но все было кончено. Она поцеловала его в губы так страстно, как целуются только прощаясь – навсегда. И она ушла – в никуда.

Впрочем, он слышал от общих знакомых, что через полгода его Аня вышла замуж. За какого-то менеджера среднего звена, или, другими словами, такого же офисного хомячка, как его последний покупатель. И теперь она приезжает домой вечером после работы на «Пыжике», «Пежо», который так любит пресловутый средний класс. Классическая жизнь – офисного планктона. А он... Он все-таки вышел на работу, в этот самый магазин. Для того, чтобы привнести в жизнь хотя бы какую-то стабильность. Но было уже поздно. Ее не вернешь. Как говорят музыканты, «это был полный бекар».

Но может быть, так и надо, как Анна, как ее муж, как все остальные вокруг? Кому нужна его музыка? Кто сегодня ходит в походы, поет под гитару? Самое большее творчество, на которое способно большинство – это бар с караоке. Чтобы почувствовать себя звездой перед пьяной компанией своих коллег и приятелей. Именно приятелей, потому что дру-

зей настоящих – в этом мире не бывает. Дружба случается: в школе, в институте, в походе, в армии, даже в тюрьме – но никак не в офисе.

Да и каким местом они все слушают музыку? Максим ее слушал – буквально, сердцем. Он прижимает гитару к себе и начинал играть. А вибрация струн – передается корпусу инструмента и уходит куда-то глубоко-глубоко в его грудь. Они становятся единым целым.

Только сейчас Максим понял, что, сам не заметив того, погруженный в свои раздумья, он взял свой любимый инструмент в этом зале, классическую мастерскую (сделанную известным испанским мастером лично) гитару с широким грифом, подстроил ее и тихо-тихо начал играть. Просто для себя. Полонез Михаила Огинского. Прощание с Родиной. Одно из своих самых любимых произведений, которое так подходит под его настроение последних месяцев..

Его музыка вновь наполнила демонстрационный зал. Все-таки так играть – мог только он. Сердце бешено билось в ритме шестнадцатых долей. Вот это была музыка... Эта нескончаемая тоска польского композитора – по своей стране, захваченной и поработанной Российской империей, безжалостной, без конца и без края, простирающей свои руки... «от тайги до британских морей». А может быть, вообще уехать отсюда куда подальше? Но где, на самом деле, по-другому?

Максиму не суждено было доиграть до конца. Пришла но-

вая покупательница, и он вынужден был прервать мелодию, едва доиграв музыкальную фразу.

В зал вошла женщина лет тридцати пяти-сорока. Светлые крашенные волосы. Скорее всего, она была необыкновенно красива в молодости. Сейчас, конечно, возраст уже отразился на ее фигуре, лице, запястьях. Она была ухоженной и состоявшейся. Но видимо, что-то и ей не хватало в жизни, раз она оказалась здесь, в этом магазине, перед Максимом.

– Я хочу купить себе гитару и начать учиться на ней играть, – сказала она.

Максиму было все ясно. Она ни чем не отличалась от того мужчины, который купил у него инструмент сегодня. Только с точностью до наоборот. Он хотел вернуть себе душу, вернувшись с гитарой в руках в прошлое. Она мечтала о том, что купив инструмент, изменит свое будущее. И по и тому они оба, кажется, добились всего – чего им, на самом деле, не нужно.

Кто-то занимается йогой. Кто-то ходит в фитнес. В церковь по церковным праздникам. На консультации в психологические центры и к психоаналитикам на приемы. К гадалкам, ясновидящим, знахаркам. На всевозможные тренинги, в различные клубы. Для того, чтобы обрести свое внутренне равновесие. Но вся их жизнь, с ранней юности строится так, чтобы это самое равновесие потерять. Пожертвовать им ради чего-то.

Но потом вдруг выясняется, что добившись всего, в этом

мире можно купить все, что угодно. Но внутренний мир и покой – почему-то не продается. Потому что он дается лишь раз и находится где-то внутри. И растратив его, как жизненные силы, выпустив, выплеснув, как шампанское из бутылки, его нельзя вернуть обратно. Ни за какие деньги.

Работая здесь уже больше года, Максим знал людей. Да, несомненно, в двадцать лет эта женщина была неотразимой. И ждала своего принца. Всегда окруженная поклонниками, она выбирала лучшего. А он почему-то не приходил, не появлялся на горизонте. Она закончила институт. Но так и не вышла замуж за своего однокурсника, который так отчаянно ухаживал, предлагал ей руку и сердце. За студента – это не для нее. Таких, как он, много. А нужен был лучший, единственный, неповторимый.

Потом она занялась карьерой. И опять, те, кто нужен был ей – почему-то не обращали на нее внимание. А те, кому нужна была она – не были ее достойны. Да, она встречалась с ними. Бывали и более-менее длительные отношения. Но ни один из них не покорила ее настолько, чтобы она сказала себе – это Он.

Годам к тридцати оказалось, что все достойные мужчины – уже женаты. А вокруг – одни неудачники. Или совершенно странные люди – со своими тараканами в голове, кучей комплексов и проблем. А ей и своих забот хватало. Впрочем, теперь она была определенно права. Потому что если мужчина не женат к тридцати годам – то может быть, ему это и

не нужно? И в любом случае, он уже никогда не научится думать о ком-либо, кроме себя...

А может быть, она даже и сходила раз-другой замуж. И не оценила совместную жизнь с мужчиной, который был ниже социально, слабее ее. Зарабатывал мало, зато пил много. Воспринимал ее как домашнюю прислугу и мебель. А потом, в какой-то момент – вдруг собрался и ушел к другой, которая слабее ее по характеру, да и моложе на несколько лет. Никогда не скажет ему слова поперек, не заметит его очевидные недостатки.

В общем, если она побывала замужем, то супруг в ее глазах был полным неудачником. Как Максим перед Анной.

Сегодня она успешная, сильная женщина. Занимающая достойное место в жизни. Достигшая всего – сама. И уже не каждое мужское плечо окажется для нее достаточно сильным, чтобы на него можно было опереться. А если честно, нет такого плеча вовсе.

Но она женщина, ей и сегодня также хочется иметь семью и, может быть, а вдруг, детей. Ей хочется любви. Она по-прежнему мечтает оказаться в центре внимания близких людей. Быть если не принцессой, то хотя бы королевой.

И вот она здесь. Среди этих стен, увешанных гитарами. Может быть, в одной из них – ее спасение? Ее популярность – хотя бы в кругу своих?

– А какую музыку вы хотите играть, – спросил Максим.

– А от этого зависит выбор гитары?

– Конечно. Например, учиться играть лучше на инструменте с нейлоновыми струнами. На классической гитаре. Вот, например, в музыкальных школах это обязательно. Но если играть аккомпанемент, ритм, современную музыку – то подойдет акустическая гитара – стальные струны. Это если вы хотите играть не по нотам, а аккордами. – Так научиться, разумеется, проще. Еще можно выбрать электрогитару, для того, чтобы играть в группе... Ну, рок, джаз...

– Я хочу петь под гитару дома – для друзей...

– Наверное, тогда все-таки акустика. Скажите, а на какую примерно сумму вы рассчитываете? Есть ведь разные варианты. От совсем простых – наших, отечественных, до профессиональных и очень дорогих...

– Ну, наверное, что-то среднее.

Конечно, ей не понадобится профессиональный инструмент. Вообще, Максим подумал, что, скорее всего, гитара займет свое место на бантике на стене – в «девичьей светлице». Потому что научиться играть – это тяжелый многолетний труд. А эта дама забросит свою идею сразу же, когда поймет, что, во-первых, придется напрочь отказаться от маникюра и длинных ногтей на левой руке. Минимальная

жертва для гитаристок-профессионалов. И большая проблема для любительниц. А во-вторых, эти постоянные мозоли на подушечках пальцев...

– Посмотрите вот это.– И Максим снял инструмент со стенда – красивый, уже не дрова по качеству, но все-таки и не профессиональную модель. Он сел и взял несколько аккордов. Не рукой, медиатором, так, чтобы звук был более ярким. Но от этого, конечно, звучание не стало более объемным и насыщенным. – Или вот это.

Максим отставил первую гитару и принес еще одну. Снова заиграл. Он знал, что предлагает не лучшее. Не самое дорогое. Но даже здесь, продавая инструменты, Максим оставался самим собой. Да, чувствуется, ей хватит денег на любую гитару. Другой бы торговец так и сделал – заработал бы по максимуму. Но он был, прежде всего, музыкантом. И поэтому, несмотря ни на какие увещевания по этому поводу директора магазина, почему-то верил, что лучшие гитары, выставленные в зале или даже в отдельном помещении с особым климатом и увлажнением, такие, которые и хранить-то надо исключительно в специальном кофре, должны доставаться профессионалам. Хотя по себе он знал: у настоящего мастера – никогда на такие инструменты не хватит денег.

Как он и предполагал, она выбрала себе то, что ей понравилось. По внешнему виду. Отказалась поменять струны – а зачем? Но купила себе тюнер для настройки и несложный самоучитель игры боем, аккордами. А также ремень – види-

мо, для того, чтобы повесить инструмент на стену. Может быть, раз и навсегда.

– Успехов вам в освоении!

Они попрощались, и Максим вновь остался один.

А затем зашли два балбеса, как их сразу назвал Максим мысленно. Длинные невымытые волосы. Дранные джинсы. Метра за два – запах пива как минимум у одного, на счет второго поручиться сложно. Но может быть, это и есть настоящая свобода?

– Скажите, где у вас тут этнические музыкальные инструменты?

– Пойдемте.

В общем, выбор был не особо богат. Пара барабанов, всего один бубен, варганы, укулеле да этнические флейты. Всего этого значительно больше в сувенирных лавках. А здесь – все-таки специализируются на музыкальных инструментах, в основном, гитарах.

Максим никогда не относился серьезно к этой группе товаров. Может быть, потому что часто видел подобную пару молодых людей, весь вечер долбящих один и тот же мотив рядом с его станцией метро ради заработка. Ему казалось, что люди подавали им мелочь скорее для того, чтобы они НЕ играли... Хотя возможно, для тех, кто услышал это случайно, этническая музыка в переходе была забавной и интересной. Но каждый день... В общем, это были не его клиенты. И

он просто стоял в стороне. Смотрел на этих молодых людей и думал о своем.

Интересно, как они живут? Неужели эти двое – по-настоящему свободны? Может быть, хотя бы и такой музыкой, зарабатывают себе на хлеб, на пиво, и им достаточно? Но ведь это – не музыка. Хотя кто знает, что такое настоящее искусство. А вдруг – не надо для этого быть мастером, достаточно просто оказаться непохожим на других...

Впрочем, в свои студенческие годы, когда очень хотелось заработать, он с приятелем пробовал тоже играть вот так вот – на улице. И знает, как это. Конечно, народ делится. Но как только появляются деньги, налетают всякие нахлебники. Местные бандиты. Менты, якобы, следящие за порядком. Чуть ли не администрация метрополитена, если попробовать играть под землей. И все хотят одного – чтобы ты поделился тем, что заработал. В результате на выходе получается более чем скромно. На это можно напиться с горя – но никак не проживешь... А самое главное, для того, чтобы работать на бесчисленную армию паразитов – совершенно не стоит всю жизнь учиться. Поэтому идею эту они быстро забросили.

Опробовав пару барабанов, молодые люди выбрали один из них, прошли к кассе, оплатили и унесли свою покупку. Магазин вновь опустел. Или из-за мирового финансового кризиса опустели наши души? И каким это боком – при том, что цена на нефть так и не снизилась, – все это так затронуло нашу страну? Раньше с Максимом работал еще один его

коллега-музыкант. Но сейчас посетителей стало значительно меньше. И начальство оставило его одного – не считая кассира.

День тянулся долго. И между посетителями Максим сидел на свой любимый стул, брал инструменты. И играл. Просто так. Для себя. Для того, чтобы научиться делать это еще лучше. Вот только зачем, кому это было нужно?

Изредка заходили люди. Совершенно разные и, в то же время, такие похожие друг на друга. Кто-то что-то покупал. Кто-то просто смотрел. Максим подходил к каждому. Показывал, рассказывал. Садился поиграть, продемонстрировать возможности инструментов.

Ближе к вечеру дверь открылась и вошел мужчина. С сыном. Мужчина – совершенно обычный. А вот ребенок – его глаза горели. Они светились счастьем. Еще бы, он шел музыкальную школу. И вот теперь папа привел его сюда – для того, чтобы купить ему его первый инструмент.

– Здравствуйте, нам нужна учебная гитара.

– Да, конечно, а какого размера? Половинка, три четверти?

– Простите, но вот я впервые веду ребенка на занятие, я не знаю, в чем разница?

– Все очень просто. Как тебя зовут, малыш?

– Антон.

– Смотри, Антон, вот это вот целые гитары – они большие. Бывают поменьше. Если вполовину – то это половинка. А если на четверть меньше – то три четверти. Давай попробуем, Антон, какая тебе подойдет, на какой будет удобнее учиться.

Максим опустил стул пониже, так, чтобы мальчику было удобнее сесть. Подставил ему табуреточку-подставку под левую ногу. И протянул ему гитару – целую, взрослую. Он знал, что не подойдет – но так хотелось дать возможность этому мальчику почувствовать себя настоящим гитаристом, музыкантом. Максим помог ему взять инструмент правильно. Может быть, дал ему первый урок. Неловкая маленькая левая ручка ухватилась за широкий гриф настоящей классики. А правая, перекинутая через кузов, корпус гитары, едва дотянулась до струн, и пальцы извлекли первые в его мальчишеской жизни ноты.

– Пожалуй, Антон, пока она слишком велика для тебя. Давай попробуем поменьше...

– Давайте.

И Максим дал ему в руки другую гитару, чуть меньше, но все-таки еще не самую маленькую. И снова, но уже более уверенно, детские пальчики коснулись струн...

– У нас есть гитара еще меньше – как раз, наверное, для

тебя, половинка.

Максим вспомнил себя в детстве. Как однажды он пришел в музыкальную школу. Но ехал он не из дома и понадеялся на свою учительницу – у него не было с собой вот такой вот половинки. Но в таких случаях всегда в школе находилась на часик чей-нибудь инструмент. А на этот раз, как назло, свободного не было. Он почти расплакался, когда преподавательница вдруг пошутила:

– Ну, что ты, не расстраивайся, будет тебе половинка. Сейчас возьмем целую – и распилим для тебя пополам!..

Это сейчас смешно, но в детстве – все воспринимается по иному, за правду... Максим улыбался, вспоминая себя. И дал в руки на этот раз как раз тот инструмент, который нужен этому маленькому мальчику, сидящему перед ним. Классическую гитару размером одна вторая. С мягкими нейлоновыми струнами.

И не было в тот момент более счастливого человека на земле, чем этот малыш. Он светился. Его глазки стали влажными – казалось, он готов разрыдаться от счастья. Это то, что было ему нужно. Это его первая гитара, первый музыкальный инструмент.

Для того, чтобы понять это, надо пройти этот путь. Эту школу. Как первая любовь. Как первый поцелуй. Как исполнение самой первой мечты. Максим это знал. Он это пережил когда-то. Очень-очень давно, когда его родители вот так же с ним пришли когда-то в музыкальный магазин. Мно-

го-много лет назад.

– Давай, Антон, я тебе покажу, как она звучит.

– Давайте, – ответил мальчик. С нескрываемой надеждой в голосе.

Максим придвинул еще один стул поближе, сел и сыграл пару песен. Совсем детские. Те, которые исполнял еще в детстве, когда сам учился в музыкальной школе. Про Чебурашку и Крокодила Гену. Про Чунга-Чанга. А потом – несложную для детского восприятия классическую мелодию. Для того чтобы мальчик мог почувствовать, что за инструмент – будет его! И вот здесь – Максим превзошел сам себя. Конечно, сказывался многолетний опыт, годы учебы и эти каждодневные репетиции между посетителями. Казалось, он играл – как никогда и ни для кого в этом зале. Положа руку на сердце, играть на маленькой гитаре для него, для взрослого мужчины, было не очень удобно. Но он очень-очень хотел, чтобы его музыка – запала в душу этого маленького ребенка. И стала своеобразным напутствием на нелегком жизненном пути Антона.

– Вот так вот. Я этому тоже, как и ты, учился в музыкальной школе, когда был таким же.

– Да, папа, давай купим эту гитару! Она мне подходит! Я хочу, чтобы она была моей!

– Точно подходит, сынок? Ты уверен, что будешь на ней заниматься?

– Конечно, буду, давай купим!..

Антон еще не знал, что его ждет. Максим проходил и это. Сначала радость и эйфория от первых уроков и маленьких побед. Первые пятерки – а хорошие учителя всегда ставят хорошие оценки начинающим. Музыкальная школа, в отличие от обычной – действительно место, где работают добрые и одухотворенные люди. И все же потом, обязательно – чувство: да пропади оно все пропадом. А уже после этого, для избранных, для тех, кто переборол себя, кто все-таки не бросил – приходит настоящее умение. А с годами и мастерство. И на всю жизнь – любовь к музыке. Которая рождается в твоих руках.

Но все-таки в глазах этого мальчика было что-то особенное. То, что мы утрачиваем, становясь взрослыми. Разбазариваем и разбрасываем. А он – он еще не успел потерять ни капли.

Они прошли к кассе. Максим помог подобрать чехол для гитары. И маленький Антон с гордостью повесил свой инструмент себе на плечо. Он нес его сам, когда они уходили.

Рабочий день подходил к концу. Максим собирался домой. И думал: все по кругу. Кажется, еще вчера я впервые взял гитару в руки. Это было так давно – и в то же время – как сейчас. А сегодня другие – начинают этот путь с самого начала. И раз есть на свете такие вот малыши и их родители, значит, может быть, еще не все потеряно? А он, Максим, продавец музыки – на своем месте? Жизнь продолжается? И

нам на смену придут наши дети, которые сделают ее лучше?
А часы Александры Андреевны целы и исправны – до сих пор. Они были отреставрированы уже в наше время. И висят сейчас на стене у одного из внуков. Их по-прежнему заводят – раз в неделю. И пружины, как и сто лет назад, держат завод. Каждый час раздается и старинный бой. Они отсчитывают время. Эти часы пережили три революции, гражданскую и великую отечественную войну. Николая II, Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, Ельцина. Они обязательно переживут всех, кто пока остался. Потому что любая власть приходит и уходит. А остаются простые люди. И эти часы. Может быть, они и есть – вечность?

Да здравствует Революция!

Памяти Франсуа Клода Кенигштайна (Равашоля)

I.

Двое жандармов втолкнули Франсуа в камеру. Железный засов с раздирающим уши скрежетом задвинулся за его спиной. Все та же камера провинциальной тюрьмы в Сент-Этьен конца девятнадцатого века. Те же толстые стены старинного здания. Маленькое окно под потолком с железными прутьями толщиной в палец. Через него абсолютно ничего нельзя увидеть – только кусочек внутреннего двора. Даже и тянуться к нему не стоит. Но из здесь, внутри камеры, смотреть не на что. Грязный лежак с соломой. Замкнутое пространство: все те же семь шагов вдоль и всего четыре поперек. Гробо-

вая тишина вокруг.

Власть предприняла небывалые меры безопасности, когда его перевозили из Парижа. И здесь на суде – охранников было больше, чем зрителей в зале. В провинции Луара, его знали меньше, чем там, в столице. И даже друзья покинули его. Может быть, потому что он предпочитал действовать один.

Этого не может быть. Они не могли так поступить с ним. Государственная машина сама преступает закон. Его судили не за то, за что хотели казнить в Париже. Ему не дали сказать последнее слово – а ведь он написал речь. Разве это не право обвиняемого – сказать все, что он о них обо всех думает?

Присяжные все-таки решились на то, чтобы вынести обвинительный вердикт. А судья не побоялся приговорить его к смерти. Все было кончено.

– Да здравствует анархия, – и это все, что он успел выкрикнуть после оглашения приговора. Теперь его судьба решена. Он это знал, и не мог в это поверить. Что станет с этим миром, когда не будет его?

Франсуа не подал апелляции – что толку спорить с бесчестным и одновременно всемогущим государством? А значит, его обязательно казнят со дня на день.

О том, что теперь он ждет смерти, Франсуа напоминал надетый на него костюм из толстой кожи, сковывающий движения рук. Для того, чтобы он не смог покончить с собой. Франсуа плюхнулся на свой лежак и погрузился в свои мысли. Он все еще не верил, что теперь уже точно жизнь конче-

на и дни его сочтены.

Откуда-то из далека, оттуда, со свободы, слышалась занудная мелодия шарманки, повторяющаяся по кругу. Голоса шарманщика не было слышно. И от этого музыка казалась еще более навязчивой, повторяющейся и банальной. Именно такой была его жизнь когда-то.

Франсуа лег на спину. Его взору представился обшарпанный потолок. И он погрузился в свои воспоминания. О том, как его отец покинул семью, когда ему было всего 8 лет. Какой это был год? Кажется, 1867-й? Он остался с одной матерью, братом, сестрой и племянником грудного возраста. С тех пор Франсуа вынужден был работать, чтобы содержать семью. Пастухом в деревне. Рабочим-красильщиком на производстве. Именно тогда он тоже, вот так вот, как кто-то вдалеке за окном, подрабатывал, крутя шарманку. Да и вся его жизнь был шарманкой – Франсуа трудился от зари до зари, потом приносил домой то, что заработал. Деньги заканчивались прежде, чем он зарабатывал что-то вновь, и он опять был голоден и беден.

Так живут миллионы людей в мире, крутят свою шарманку по кругу. Но уже тогда Франсуа был другим. Он самостоятельно овладел аккордеоном и играл на благотворительных праздниках в этом самом городе, в Сент-Этьене, там, где теперь ему предстояло умереть. Франсуа не был похож на остальных людей. И даже сейчас, лежащий на грязном лежаке в кожаном одеянии, стесняющим движения, за железны-

ми прутьями маленького окна, за стальной дверью и высоким забором городской тюрьмы он был более свободен, чем кто либо, во всей Франции. А может быть, и в мире.

Потому что граница свободы проходит не где-то там, за крепостным забором, охраняемом полицией. Не по линии закона или беззакония. Не по кожаному костюму, сковывающему движения. И даже не шее, которую у Франсуа должны перерубить гильотиной по приговору суда. А где-то внутри, в самой глубине сознания, в глубинах мозга.

Франсуа лежал, уставившись в потолок, и вспоминал свою жизнь, полную лишений и горя. Холодные зимние ночи на пастбищах в горах Пилат. Запах навоза, окружающий его, когда он работал батраком на окрестных фермах. Тяжелую работу красильщика. И он осознавал, что то, что он сделал – это все-таки лучше, чем жить так, как все.

Он вспоминал свою первую любовь. Свои первые свидания – прогулки по родному городу. Первый поцелуй и ту незабываемую ночь любви. Те далекие тайные встречи. И известие, что она выходит замуж за более богатого – за одного из владельцев компании, в которой он работал, за его босса.

Его деда и отца, самого Франсуа и его семью всегда преследовала бедность и голод. И это при том, что вокруг лавки мясников, продуктовые лавки ломились от всего, что только можно было себе вообразить. Если кто-то и виноват в том, что он стал таким, так это те люди, которые сделали этот мир таким разным. Для тех, у кого есть деньги и всех остальных,

у которых их нет и быть никогда не может.

О чем думал хозяин производства, когда уволил его за участие в забастовке? Понимал ли он, что Франсуа будет нечем кормить семью? Его любимая родная сестра умерла тогда, потому что не чем было платить врачам.

Наверное, именно в те дни Франсуа понял, что все нуждающиеся имеют право взять силой все, что им нужно. Что они не обязаны ждать милости от равнодушного общества. И это это будет куда справедливей, чем сохранение существующего социального порядка, который угрожает жизни каждого.

Отбирает эту жизнь.

Он собрался со своим другом и уехал в Лион – искать лучшей доли. Франсуа вспомнил, как стоял на вокзале большого города, без денег, без еды. И думал, как заработать хотя бы что-то. А там, дома, его ждала такая же голодная, как он, семья, самые близкие.

Понятно, что он брался за любую работу. Но и здесь жилось не лучше. И в очередной раз, лишившись заработка, Франсуа возвращается домой. Уже без всякой надежды на то, что его труд – красильщика, сталелитейщика, рабочего химчистки, кого угодно, – вытащит его из пропасти.

Кажется, именно в эти дни он стал анархистом.

Жизнь проносилась в его воспоминаниях яркими картинками на потолке. Одинокое заключение последних месяцев убивает жизнь, но развивает фантазию и образность. Франсуа смотрел в этот грязный потолок и вспоминал себя, близких, врагов и друзей. И к нему постепенно приходило осознание, что это его приговорили к смерти. Это его казнят на гильотине в самые ближайшие дни.

II.

Неизвестно, сколько часов он провел на своем лежаке. Но он постепенно становился самим собой. К нему возвращалась сила и злоба на этот мир, который сделал его таким. А потом приговорил его за это к смерти.

Постепенно Франсуа поднялся. Стал ходить по периметру камеры. Семь шагов – три шага – семь шагов – три шага. Но

это уже не было движением по кругу. Он разорвал повторяющуюся мелодию шарманки очень давно, еще тогда, когда стал сначала преступником, а потом революционером.

Он знал, что когда-нибудь всему приходит конец. Все люди знают это. И если спросить человека, что бы он сделал, если бы ему осталось жить пять лет, он бы построил свою жизнь по-другому. Не тратил бы ее зря. Франсуа знал, что все кончится. И поэтому использовал ее. Разорвал замкнутый круг и все эти годы дышал полной грудью.

С ужасным скрежетом скрипнул засов на двери, и в комнату вошел человек в черных одеяниях.

– Здравствуйте, господин Равашоль, я аббат Кларе. Я пришел, чтобы Вы могли исповедаться и подготовиться к встрече со всевышним...

– Господин аббат, если бы я верил в Бога, то никогда бы не совершил всего того, за что приговорен к смерти.

Но жизнь не оставляла Франсуа выбора. Священник был первым и единственным человеком, посетившим его за все эти дни, с которым можно было бы поговорить. Государству мало было убить революционера, власть хотела раздавить его, боялась его, и поэтому стражникам и полициям было категорически запрещено общаться с ним. Поэтому Франсуа не выгнал аббата, а позволил ему остаться. Ему хотелось донести до людей, хотя бы до этого ряженного ко всему безразличного святоши, кто он, зачем он здесь и за что он готов умереть.

– Бог милостив, он простит Вас, если Вы покаетесь, у Вас еще есть время...

– Я не преступник. Анархисты правы, когда утверждают, что для того чтобы установился повсеместный мир, должны быть просто уничтожены те причины, которые порождают преступления и преступников.

– Вас скоро казнят...

– Это бесполезно – казнить таких, как я. Никогда с нами не будет покончено путем репрессий. Мы все когда-нибудь умрем. Просто такие, как я, вместо того чтобы умереть медленной смертью от болезней и лишений, предпочитают сами взять то, чего нам не хватает, пусть даже рискуя собственной жизнью, которая приносит одни страдания.

Священник задумался. По большому счету ему нечего было сказать этому человеку. Франсуа не был несчастен, он не выглядел обреченным. В нем была необъяснимая сила – в этом связанном кожей человеке.

– Вас казнят не как революционера, а как обычного преступника...

– А что бы изменилось, если бы я не был осужден сейчас за то, что убил и ограбил несколько богатых стариков, всю жизнь наживавшихся на труде таких, как я? Моей семье элементарно нечего было есть, когда мы с моим другом вскрыли склеп баронессы Рош Тайе на кладбище под Сент-Этьеном. Зачем баронессе перстни, медальон, нательный крест, когда золото ей все равно больше не понадобится? Так же, как и

мне – уже завтра.

– Но Вы не только грабили, занимались контрабандой и другими грязными делами. Вы ведь убивали. Вас осудили за убийство отшельника в Форезских горах и кражу 35 тысяч франков...

– Это потому что меня не смогли осудить как революционера, террориста и анархиста. Власть вспомнила и выдвинула старое уголовное обвинение, потому что она всегда бессильна против таких, как я. Вот и приходится государству – действовать обманом. Впрочем, вот лично я за свою жизнь своим праведным трудом не смог скопить и пяти франков. Где же здесь справедливость? И откуда этот несчастный монах взял такие деньги?

Священник делал свое дело, спасал, как ему казалось, заблудшую душу. И все-таки он понимал, что то, что говорит этот человек – отчасти истина. Страшная правда нашего времени. Он так и не мог понять, кто перед ним: маньяк, убийца и грабитель или революционер и террорист.

– Неужели Вы считаете, что имеете право убивать всякого, кого Вам вздумается?

– Вы смотрите на мир с другой стороны баррикады. Для того, чтобы не было преступности, нужно всего лишь уничтожить бедность, просто дав людям все самое необходимое. Для этого необходимо перестроить мир по новым принципам, создать такое общество, в котором люди будут единым дружным коллективом, где каждый, работая согласно его

возможностям, мог бы потреблять в соответствии со своими потребностями. Тогда, и только тогда не станет ни жертв, ни рабов денег. И тогда мы больше не увидим, как женщины продают себя за деньги и как мужчины идут ради них на убийство. Причина всех преступлений одна и нужно быть дураком, чтобы не замечать этого.

Аббат Кларе задумался. Все-таки кто перед ним? Вор и убийца? Или фанат революции? Ему часто приходилось исповедовать приговоренных к смерти. Но это были совсем другие люди. Испуганные, сломленные. А этот молодой человек производил впечатление циничного и спокойного. Наверное, именно такими должны быть настоящие герои. Если бы только аббат не знал, что человек, стоящий перед ним, сделал в этой жизни.

А пока священник, стоящий рядом с ним и брезгливо поглядывающий на грязный лежак с соломой, задумался о чем-то своем, Франсу вдруг осознал окончательно, что жизнь его закончится не сегодня – завтра. И его первоначальная растерянность, погрузившая его в глубокие воспоминания еще несколько часов назад, сменилась настоящим гневом. На этот мир. На тех, кто им правит. На этого сытого и самодовольного ряженного, который брезгует сесть на его солому и примостился где-то с краю.

– Жаль, что я так мало успел! Теперь уже все кончено. И я могу вам многое рассказать.

Священник знал из газет, что Франсуа с 18 лет начал изу-

чать анархизм. Что он встречался лично с теми, кто участвовал в Парижской коммуне. Да, когда-то эти люди были национальными героями. Но спустя каких-то десять лет – от них осталась всего лишь группа теоретиков. Тех, кто только говорил о терроре и возмездии. И вот перед ним был тот человек, который взялся за дело сам. Совершенно один.

– Да, если бы я убил и ограбил нескольких буржуев для того, чтобы прокормить свою семью, я не считал бы себя преступником. Но и не был бы тем, кто я есть. Ведь это я 15 февраля 1892 года украл 30 килограммов тротила со склада угольной шахты возле города Саузи-суз-Этиоль. У моих друзей, может быть, никогда не хватило бы на это духу. Для того, чтобы взорвать этот мир.

Аббат Кларе знал эту историю. Ее знала вся Франция. О ней печатали во всех газетах. Первый взрыв прогремел уже 11 марта 1892 года. Обвалилось несколько лестничных пролетов в доме 136 на бульваре Сент-Жермен. Париж вздрогнул от взрывной волны. Экспертиза подтвердила, что остатки бомбы, начиненной картечью, имели прямое отношение к пропаже на шахте. Это была месть судье, который вел процессы против анархистов, участвовавших в демонстрации 1 мая годом ранее и требовавших восьмичасового рабочего дня. Только по чистой случайности служитель фемиды остался жив.

Но уже спустя всего четыре дня прогремел второй взрыв. На этот раз бомба была подложена на подоконник казармы Лобо, где проживали 800 муниципальных гвардейцев – местных полицейских. И было совершенно неважно, что опять по стечению обстоятельств никто не погиб. Это был настоящий вызов власти: террористическая атака в самом центре города, рядом с городской ратушей и мэрией четвертого округа Парижа. На тех, кто должен был охранять закон и порядок. А на деле весь Париж наблюдал, как они, напуганные до смерти, носились вокруг полуразрушенного здания, как муравьи рядом с разоренным муравейником.

Все силы были брошены на поиски тех, кто это сделал.

Аресты и обыски среди анархистов, да и всей оппозиции, ни к чему не привели. И только благодаря предательству полиции удалось узнать, кто стоял за этим взрывами. Им оказался – один – Франсуа, который был перед ним.

Первая попытка ареста Франсуа едва не стоила жизни полицейским. Он успел скрыться, а дом, в котором жил, заминировать.

К этому времени имя Равашоль стало нарицательным. Его знал весь Париж. Его боялись. Его любили. Газеты печатали биографию Франсуа и на перебой рассказывали, как простой рабочий, красильщик стал революционером, который взорвал Францию. В считанные дни по всей стране у него появились последователи. С его подачи революция вошла в новую стадию – индивидуального террора. И тогда многие революционно настроенные французы поняли, что если время свержения действующей власти и построения более справедливого общества еще не пришло, то можно взорвать то, что есть, виновных в этом, представителей этого самого государства. Здесь и сейчас.

Но Франсуа не только взрывал. Он еще и брал на себя ответственность за эти взрывы. Он находил возможность общаться с журналистами. Аббат Кларе помнил его интервью в одной из центральных газет, где Франсуа сказал: «Нас не любят. Но следует иметь в виду, что мы, в сущности, ничего, кроме счастья, человечеству не желаем. Путь революции кровав. Я вам точно скажу, чего я хочу: прежде всего, терро-

ризировать судей. Когда больше не будет никого, кто посмеет нас судить, тогда мы начнем нападать на финансистов и политиков. У нас достаточно динамита, чтобы взорвать каждый дом, в котором проживает судья»

И слова его не расходились с делом. Уже через несколько дней после его знаменитого интервью был взорван дом прокурора Було, выступавшего на процессах против анархистов. Это было на улице в на Рю де Клиши. Взрывной волной жителей выбросило из постелей. Вся округа была разбужена истошными криками жильцов, взывавших о помощи через окна, потому что лестничные пролеты были полностью разрушены. Казалось, что он действительно мог бы взорвать каждый дом, в котором живет полицейский или судья. Любой представитель государственной власти.

– Неужели Вы все-таки считаете, что имеете право убивать, решать за господа бога, кому жить, а кому умереть? – спросил священник.

– Во всех слоях общества мы видим людей, которые желают если и не смерти, то, по крайней мере, неудачи своему ближнему, потому что эта неудача поможет улучшить их собственное положение. Разве промышленники не желают смерти своим конкурентам? Разве не хотят торговцы остаться единственными в своей сфере, чтобы воспользоваться всеми преимуществами этого? А надежда получить работу дает право безработному ждать, что кто-то ее лишится. В обществе, в котором все это происходит, не причин

удивляться тем поступкам, в совершении которых меня обвиняют, они лишь логическое продолжение общей борьбы каждого человека за свое выживание. Все это приводит к мысли: «Раз таков порядок вещей, могу ли я колебаться в выборе средств, если голоден, даже если это повлечет жертвы. Разве хозяева, увольняя рабочих, беспокоятся о том, что те могут умереть от голода? Как кто-то может жить в роскоши, если рядом живут те, у кого нет даже самого насущного?»

У аббата Кларе не было особого богатства. А поэтому еще оставался остаток понимания того, что жизнь вокруг – не идеальна. Он приходил почти каждый день в эту тюрьму исповедовать приговоренных, облегчать души тех, кто шел на каторгу. Иногда он в глубине души презирал тех, с кем ему приходилось общаться по долгу службы.

А в этом человеке было что-то особенное. Аббат не мог понять, что. То, что говорил этот человек, чем-то отдаленно походило на христианство – нов то же время, это было совершенно другим. Религия нового времени и нового века.

Кларе больше не испытывал нетерпимости и ненависти к этому человеку. Не удивительно, что Франсуа так и не позволили выступить с речью в суде – этот простой рабочий, преступник и террорист – умел убеждать. Аббат сам не заметил, как пропала всякая брезгливость, и вот он уже сидит рядом с Франсу на соломе его лежака. И все-таки то, что говорил Равашоль, никак не вязалось с его представлениями о жизни и об устройстве общества.

– Но есть же другие, законные способы добиться социальной справедливости, – настаивал аббат, – увеличение налогов на богатых, например.

– В нашем обществе достигнуть справедливости невозможно. Ничто, не даже налог на доход, не может изменить порядок вещей. К сожалению, многие простые люди думают, что, если бы мы действовали так, как вы говорите, то жизнь стала бы лучше. Но это не правильный путь. Например, если мы обложим налогом собственников, то они увеличат стоимость аренды и, таким образом, переложат бремя выплат на тех, кто зарабатывает деньги своим трудом. Пока есть собственность, никакой закон не сможет ограничить право владельцев распоряжаться своим имуществом. И что с этим можно сделать? Только уничтожить частную собственность и истребить тех, кто присвоил все блага жизни себе. А когда мы сделаем это, мы откажемся от денег вообще для того, чтобы не возникало возможности накопления в будущем. Иначе, поздно или рано это, приведет к возвращению нынешнего режима

– Но как предприятия могут существовать без хозяина?..

– Владельцы не нужны. Эти люди – бездельники, которых содержат наши рабочие. Каждый должен делать что-то полезное для общества, выполнять ту работу, на которую он способен. Кто-то будет пекарем, кто-то учителем и так далее. Когда не будет бездельников, работать придется меньше – всего несколько часов в день. Так как люди не смогут оста-

ваться без какой-либо занятости, каждый бы нашел себя в чем-то. И не было бы места лени.

– Так что, все зло от владельцев, которых вы так не любите, что готовы убивать?

– Нет, главное зло, в действительности, – это деньги. Они являются причиной всех разногласий, всей ненависти. Всех устремлений. Именно они создают собственность. Если бы мы больше не были обязаны платить за то, чтобы жить, деньги потеряли бы свою ценность. И при этом никто бы не смог обогатиться. Нечего было бы накапливать, не на что купить себе жизнь лучше, чем у других. Если бы не было денег, то стали всякие законы стали бы вовсе не нужны. И хозяев тоже бы не было. Исчезли бы масса бесполезных вещей, таких, как бухгалтерия. Не перед кем и не за что было бы отчитываться. Не было бы и других видов занятости, не было бы государственных чиновников, которые абсолютно ничего не производят и нечего не дают обществу. Анархия – это, прежде всего, уничтожение собственности.

– Но неужели в вашей анархической теории нет места для бога...и в вас не осталось ни капли веры?..

– Что касается религии, то она будет разрушена, не будет ни какой причины для ее дальнейшего существования. Она потеряет всякое морального влияния на людей. Нет большей нелепости, чем вера в бога, которого не существует. После смерти все будет закончено. Люди должны пользоваться той жизнью, которая у них есть. Но когда я говорю о жизни, я

имею в виду настоящую жизнь, а не ту, когда надо работать весь день на жиреющего хозяина, и, в то же время, умирать от голода.

– У вас на все есть готовый ответ...

– Ну, может быть, я знаю далеко не все. У таких, как я, у рабочего класса, у тех, кто вынужден трудиться от зари до зари, чтобы заработать себе на хлеб, к сожалению, нет времени, которое можно было бы посвятить чтению книг...

Так кто же был перед ним? Вор и убийца или революционер, который войдет в историю Франции? В какие-то минуты священник понимал, что в чем-то этот одержимый прав: общество несправедливо. Что мир поздно или рано изменится. Но между ним и этим приговоренным была огромная разница. Все общество, каждый из нас ограничен в своих действиях. Религией и верой. Воспитанием. Законом. В конце концов, страхом перед уголовным преследованием и наказанием. И только этот человек, связанный, закрытый за толстыми каменными тюремными стенами, приговоренный к смерти – сломал все препятствия и границы. Был по-настоящему свободен. И способен абсолютно на все ради достижения своих целей. И главное – Франсуа не был один. Таких, как он – много. Их становилось все больше.

Да и с одним Франуа государство, очевидно, не могло справиться. Власть оказалась не в силах остановить волну террора, накрывшую Францию. Сложно представить, что все это мог организовать всего один человек. Все, что оставалось

руководству страны – это проводить бесконечные совещания. Премьер министр Эмиль Лубе проводит многочасовые встречи с военным министром и префектом полиции. Но все они бессильны против надвигающейся невиданной ранее революции – бунта индивидуалистов.

Его арестовали совершенно случайно: владелец ресторана «Бери» на бульваре Мажанта опознал его и сообщил полиции. Потребовалось не менее десяти человек, чтобы скрутить Франсуа и доставить в участок. При этом он орал на всю улицу: «Братья, за мной! Да здравствует анархия, да здравствует динамит!» Понадобилось несколько дней, чтобы взять с него первые показания. Он ни о чем не сожалел, разве что о том, что успел сделать так мало.

В Париже некому было судить его. Потому что и судьи, и присяжные боялись. Ресторан, в котором его скрутили, к этому моменту уже был взорван его последователями. Максимум, что Франсуа грозило, – это пожизненное заключение и ссылка в Новую Каледонию. И никто не сомневался, что поздно или рано он будет освобожден в результате революции или вытащен оттуда сподвижниками.

III.

Жизнь распорядилась иначе. Наступала эра криминалистики, и Франсуа смогли припомнить его былые преступные деяния. Уже приговоренного к вечной каторге Франсуа перевезли сюда, в Сент-Этьен. Для суда по обвинению в грабежах и убийствах. Власть всегда использует закон так, как ей

заблагорассудится. И вот теперь Франсуа здесь, перед своим последним собеседником аббатом Кларе. Единственным человеком, которому позволено с ним общаться. Потому что слова его кажутся государственной карательной машине – опаснее динамита.

– Неужели Вы так и взойдете на эшафот без всякого покаяния?

– А что, если бы я раскаялся, меня простили бы? Я попросил бы прощения у бога, если бы он за это позволил мне продолжить мою борьбу. Но это бессмысленно. Я не верю в бога нет, и ни к чему мне все ваши покаяния. Мои друзья, мои соратники покинули меня. Но они еще дадут о себе знать. Мир еще увидит настоящую революцию.

– И Вам ни капельки не страшно предстать перед Всевышним?

– Мы, господин аббат, живем лишь раз и здесь, на земле, ибо нет никакой иной жизни за гробом. И если настоящая и единственная наша жизнь здесь, то, следовательно, необходимо стремиться всеми силами получить от нее наибольшее наслаждение. Для этого требуются деньги. А если денег нет, то надобно заняться вопросом их приобретения. Вот и все!

Когда борьба за выживание теряет всякий смысл, к кому-то приходит слабость и апатия. К кому-то цинизм и упорство. Этого не было написано в деле, но священник знал: Франсуа не воровал деньги на безбедное существование. Он тратил из добытого только на самое необходимое. И боль-

шую часть отдавал движению анархистов. Если бы не расстрел рабочих в Фурми и Клеши. И если бы полиция, которая стреляла, не обвинила бы его друзей в применении оружия. Скорее всего, именно это очередное свидетельство несправедливости государства и власти оказалось последней каплей. Которая превратила простого рабочего, преступника в прошлом, анархиста сегодня – в террориста и народного героя.

Аббат понял, что переубедить Франсуа невозможно. Нет в этом человеке раскаяния, потому что он прав. И чем дольше он общался с ним, тем больше Кларе беспокоился за свои собственные убеждения. Поэтому разговаривать дальше было бессмысленно. А исповедовать – некого.

IV.

Они попрощались. За священником закрылась дверь, и вновь лязгнул засов. Франсуа стало необычайно грустно. Неужели все кончено? И больше абсолютно ничего нельзя изменить? Камеру окутала бесконечная тюремная тишина. Наступала ночь. Франсуа было все равно. Если ничего нельзя сделать, то скорее бы все это закончилось. Что же будет после того, когда не станет его?

И почему никто ничего не сделал, чтобы спасти его? На первом суде, там, в Париже, представители фемиды боялись его значительно больше, чем смерть пугает его сейчас. Его друзья посылали им письма с угрозами. Присяжные не могли вынести свой вердикт. Но здесь, в родном городе, все из-

менилось. Неужели народная любовь и поддержка покинули его? Впрочем, и это ему было безразлично. Он сделал все, что мог. Как мог. А дальше – будь, что будет. В конце концов, осталось совсем недолго. Одна ночь. Всего несколько часов.

А все-таки, настанет ли когда-нибудь, после его смерти, век справедливости и равенства возможностей для человечества? Удастся ли когда-нибудь справиться с бедностью одних и невероятным богатством других? Смогут ли когда-нибудь рабочие сами владеть тем, что они создают? Быть полноценными хозяевами своего производства?

И рухнет ли когда-нибудь государственная карательная машина, единственная задача которой состоит в том, чтобы сохранять все, как есть?

Он не знал, не мог знать ответы на эти вопросы. В конце концов, Франсуа был простым рабочим. Анархистом. Человеком, который смог разрушить ограничения общества. Наказать виновных в несправедливости. Но сейчас его миссия была полностью выполнена. Франсуа сделал то, что успел. Ему было все равно. Он был готов ко всему.

Франсуа улегся поудобнее на своем лежаке. Силы оставили его. Он заснул крепким сном человека, которому вдруг все стало безразличным.

Но ему не пришлось спать долго. Уже в половине четвертого дверь открылась и вошли четверо. Смотритель тюрьмы, врач, прокурор и аббат Кларе.

– Вставайте, Равашоль, Ваш час настал!

Но Франсуа уже было все равно. Он пережил ожидание казни. И теперь все, что осталось – это полное безразличие и смирение с тем, что ему предстояло. Единственное, что он ответил, было «Вот и хорошо!».

V.

С него сняли кожаный костюм, сковывающий его движения и предложили одеться в то, в чем он был на процессе. Еще раз зачитали приговор. Потом предложили выпить – и он выпил залпом целый стакан.

– Хотите ли еще чего-нибудь? – спросил прокурор так, как спрашивают только палачи перед казнью, осознавая свою вину, застенчиво и услужливо. Сначала Франсуа пробивала мелкая дрожь и он был бледен. Но он быстро сумел взять себя в руки. И оставался собой: бесстрашным Равашолем. Самообладание вернулось к нему. Он все еще был жив, и он был анархистом-революционером.

– Да, я хочу сказать несколько слов тем, кто придет на мою казнь.

– Но никого не будет... – ответил ему прокурор.

Франсуа не знал, насколько власть боится его даже обреченного на смерть. Что чуть ли не весь город оцеплен жандармами и полицией. Что государственная фемида не может показать его народу, и поэтому собирается убить его втихаря, в тюремном дворе.

Вместо причастия он попросил еще выпить.

В этот момент аббат Кларе осенила мысль: «А ведь если

его сейчас казнят, в его 33 года, то он будет для анархистов новым святым. Или даже самим Иисусом анархистов».

Франсуа налили, и выпил еще стакан. На душе стало тепло и спокойно. Все кончено. И последнее, что осталось – это уйти достойно. Он не чувствовал страха. А даже, если и чувствовал, то скрыл его: он считал это унижением, показаться слабым перед своим врагом.

Появился палач и начал свои приготовления, именуемые на языке профессиональных убийц именем закона «туалетом приговоренного»: ему крепко связали руки за спиной и обрезали ворот воротника. Холодная дрожь передернула Франсуа от прикосновения ножниц к шее. Но он сдержался и не подал вида. Франсуа попытался заговорить с палачом, но тот не обращал на него ни малейшего внимания и молча делал свое дело.

Процессия вышла на улицу и погрузилась в телегу. На улице было абсолютно темно. Власть хотела расправиться под покровом ночи, не дожидаясь рассвета. Франсуа громко запел революционную песню. О том, что придут другие времена, о том, что когда-нибудь те, кто везут его, будут сами на его месте. «Хочешь счастливым быть – вешай своих господ и кромсай попов на кусочки».

Уже через минуту они прибыли на место казни. Его взору предстала гильотина – скрытая от посторонних глаз. Помощник палача натренированным движением поднял тяжелый сорокакилограммовый косой нож к верхней мачте, расположенной метрах в четырех от поверхности земли. Франсуа взошел на эшафот сам. Палач привязал его к горизонтальной доске, а затем уложил лицом вниз на горизонтальную поверхность и опустил верхнюю планку на шею.

Равашоль знал, что сейчас он умрет. Но он также был уверен, что за него отомстят. Что после его смерти анархисты-революционеры продолжат его путь. И это станет практикой: личная расплата с каждым представителем власти за то, что лично он сделал.

– Да здравствует рев!.. – острая боль пронзила все его

Франсуа. Корзина, стоящая у подножия гильотины, больно ударила по лицу. Еще не менее тридцати секунд его мозг был жив.

Может быть, в эти мгновения вся жизнь Франсуа пролетела у него перед глазами. И если бы на небе был бог, то он показал бы ему, что будет дальше. И Франсуа бы узнал, что возмездие не заставило себя ждать. 9 декабря 1893 года в Париже Огюст Вальян бросил бомбу с балкона, где располагались места для публики, в палату депутатов Парижа. Двадцать парламентариев были ранены. И первое, что заявил Вальян после ареста – что это было сделано в ответ за Равашоля. 24 июня 1894 года в Лионе итальянский анархист Санте Казерио нанес смертельное ножевое ранение президенту Франции Сади Карно. На следующий же день его вдова получила фотографию Равашоля, на обороте которой было написано «Это месть...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.